

А. Ф. Кривоноженко

Альтернатива на идеологическом фронте: Петроградский университет и власть в контексте Гражданской войны

Столичный статус Петрограда до марта 1918 г. делал его не только политическим, но и одним из крупнейших образовательных, культурных и научных центров страны. В связи с этим в социальной структуре Петрограда значительное место занимала интеллигенция.

Цель данной статьи — изучение возникновения и деятельности университетской оппозиции советской власти в контексте Гражданской войны на примере Петроградского университета, который предложил свой вариант реформирования высшего образования, альтернативный правительственному. Как справедливо заметил Стюарт Финкель¹, это была борьба на идеологическом фронте, поэтому большевики воспринимали ее особенно болезненно.

Историография проблемы становления советской высшей школы обширна. В ее контексте традиционно изучается история Петроградского университета периода 1917 г. и начавшейся затем Гражданской войны. Советские историки, проделавшие огромную исследовательскую работу по указанной теме, традиционно заостряли внимание на реформаторской деятельности Наркомпроса². Однако оценка работы дореволюционной профессуры, выступавшей против этих предложений, несколько варьировалась, но выдерживалась в негативных тонах. В по-

***Кривоноженко
Александр
Федорович***

канд. ист. наук,
мл. науч. сотр.,
Карельский
научный центр
РАН (Петрозаводск,
Россия)

следнее время ряд историков из Санкт-Петербургского государственного университета активно занимаются изучением пореформенного университета, распространяя хронологию своих исследований до начала 1920-х годов³. В постсоветской отечественной исторической науке наблюдается стабильно высокий интерес к проблемам реформы высшей школы обозначенного периода⁴. При этом в силу изменившихся методологических подходов произошла значительная переоценка выводов советских историков. Наконец, необходимо отметить таких западных исследователей, как Дж. Макклелланд, С. Финкель, Ш. Фицпатрик, П. Конечны, в чьих работах советская реформа высшей школы обычно рассматривается сквозь проблему взаимоотношения интеллигенции и большевиков⁵.

Петроградский университет в 1917–1918 гг.: от башни из слоновой кости к агенту буржуазии. Вооруженный переворот в октябре 1917 г. в университете восприняли негативно, но сдержанно⁶. Среди профессорско-преподавательского состава были сильны симпатии к кадетам. Эту же партию к ноябрю 1917 г. поддерживала большая часть студенчества⁷. Университетская интеллигенция рассматривала захват власти большевиками в контексте перманентного политического кризиса, развивавшегося по синусоиде уже более полугода. Восстание (а современники оценивали данное событие именно так) виделось лишь очередным пиком этой синусоиды, как и выступление генерала Л. Г. Корнилова или июльский кризис, лишь как временное неудобство перед созывом Учредительного собрания. Спустя сутки после падения Зимнего дворца Н. Н. Платонова, супруга профессора Петроградского университета С. Ф. Платонова, указала в своем дневнике на обыденность уличной жизни Петрограда и выразила общее мнение, что через несколько дней с выступлением большевиков будет покончено⁸.

Понимание того, что приход к власти новой политической силы повлечет за собой серьезные политические изменения, произошло в профессорско-преподавательской среде и ее окружении перед началом работы Учредительного собрания, запланированного на конец ноября 1917 г. Взгляды профессуры изменились после ареста некоторых членов Комиссии по проведению выборов в Учредительное собрание. Задержанными оказались профессор университета барон Б. Э. Нольде и приват-доцент П. П. Гронский⁹. Эти аресты стали первыми актами насилия новой власти по отношению к Петроградскому университету в условиях начинавшейся Гражданской войны.

Ответом на неправомерные действия Военно-революционного комитета по отношению к коллегам стали протест профессорского совета университета и единодушная поддержка им «воззвания» Академии наук. Захват власти большевиками рассматривался советом как незаслуженное «великое бедствие», постигнувшее Россию. Единственной надеждой на спасение страны ученые считали Учредительное собрание¹⁰. Таким образом, профессура университета четко заявила о своем антагонизме по отношению к большевикам уже в первые недели после захвата ими власти. Студенты вуза поддержали эту позицию, объявив забастовку¹¹.

Университет присоединился к кампании по пассивному сопротивлению деятельности Совета народных комиссаров (далее — СНК, Совнарком) — бойкотированию распоряжений нового правительства¹². Совет вуза подчеркивал в декабре 1917 г., что с 25 октября университет не имел никаких отношений с большевиками и продолжал поддерживать связи (скорее, уже символические) с формально ликвидированным Министерством народного просвещения¹³. Вся полнота управления вузом перешла к профессорскому совету. Злая ирония заключалась в том, что фактически университет достиг той цели, которой добивался несколько десятилетий. Падение старой власти и бойкотирование новой позволило реализовать идею самоуправления, мечту об университетской автономии. Однако достижение поставленной цели произошло в исключительно сложных обстоятельствах. И. Ю. Крачковский зафиксировал морально-психологический климат в руководстве университета в начале января 1918 г.: «В Совете [университета] картина грустная: все чувствуют, как гнусно обращаться в комиссариат за деньгами, а без этого университету гарантирован конец»¹⁴. Отсутствие финансов на счетах заставило руководство университета начать переговоры с большевиками весной 1918 г.¹⁵; тем самым СНК признавался в качестве новой государственной власти.

Несмотря на тяжелые условия разгоравшейся Гражданской войны, советское правительство приняло решение начать проведение реформы высшей школы. Ее причины являлись очевидными: университеты и институты продемонстрировали в конце 1917 — начале 1918 г. полное отсутствие лояльности к новой власти. В то же время восстановление экономики страны не представлялось возможным без специалистов с высшим образованием. В связи с этим главная цель реформы заключалась прежде всего в изменении идеологии высшей школы, подчинении профессуры советской власти или установлении сотрудничества с ней и, как следствие, в подготовке новой, красной интеллигенции. Наконец, университетское образование должно было иметь ярко выраженную утилитарную направленность на удовлетворение государственных потребностей. Такой подход принципиально исключал даже теоретические дискуссии вокруг автономии высшей школы и не рассматривал возможность ее существования исключительно ради чистой науки, вне политики.

Высшие учебные заведения страны принципиально разделяли мнение Совнаркома о необходимости реформирования высшей школы, однако на этом совпадении позиций власти и общественности заканчивалось. Разработку нового законодательства в области реформы университетская интеллигенция начала еще при Временном правительстве, и приостановлена она была политическим кризисом осенью 1917 г.¹⁶ Фундаментальной основой разрабатываемых проектов стали гумбольдтовский идеал университета и связанная с ним идея необходимости возвращения высшей школе автономии. Таким образом, исходные позиции сторон относительно сути предстоящей реформы радикально отличались.

Первые столкновения новой власти и высшей школы, открыто продемонстрировавшие претензии последней на независимую от Народного комиссариата просвещения (далее — Наркомпроса) позицию по будущей реформе,

произошли в июле и сентябре 1918 г. В Москве состоялись всероссийские совещания по реформе высшей школы, на которых были представлены делегаты от высших учебных заведений страны. На этих совещаниях Наркомпрос предложил для обсуждения Положение о Российских университетах (далее — Положение), подготовленное специально созданной комиссией¹⁷. Положение рассматривалось разработчиками в качестве нового, советского университетского устава. Среди прочих пунктов этого документа необходимо выделить те, которые касались управления высшей школой. Согласно Положению, главным органом управления университетами должны были стать народные советы, в которые входили бы представители общественных организаций, политических партий, местных отделов народного образования¹⁸. Таким образом, разработанный Наркомпросом документ предполагал ликвидацию университетской автономии. Такой подход оказался неприемлем для представителей высшей школы, в связи с чем они отклонили Положение¹⁹. Это привело к тому, что на московских совещаниях не было принято конкретных решений по вопросам реформы.

На наш взгляд, позиция отрицания высшей школой основных положений нового устава, предложенного Наркомпросом на всероссийских совещаниях, обусловлена прежде всего фактором набирающей оборот Гражданской войны и интервенции. В тылу были совершены покушения на В. И. Ленина и М. С. Урицкого. Источники, связанные с Петроградским университетом, свидетельствуют о том, что в профессорской среде уже не один месяц регулярно муссировались слухи о неизбежном падении власти большевиков и оккупации города войсками Антанты или германской армией²⁰. Таким образом, отстаивание представителями высшей школы альтернативной позиции по университетской реформе на московских совещаниях являлось следствием уверенности профессуры в неопределенном будущем советской власти.

Полагаем, существовала еще одна причина, дававшая профессуре основание выступить на московских совещаниях с независимой позицией. В начале обсуждения целей и методов реформы высшей школы Наркомпрос придерживался в данном вопросе осторожного и взвешенного подхода, главный сторонник которого, нарком А. В. Луначарский, даже называл его либеральным²¹, что прибавило университетской интеллигенции уверенности в возможности отстаивать автономию высшей школы на московских совещаниях без оглядки на возможные санкции со стороны власти. Косвенно этот тезис подтверждается Дж. Макклелландом, который упоминает требование В. И. Ленина занять более жесткую позицию по отношению к высшей школе после московских совещаний²².

После провала попытки реформирования высшей школы летом 1918 г. через реализацию разработанного устава руководство Наркомпроса решило выполнить поставленную задачу посредством ряда декретов. Первый из них, принятый 2 августа 1918 г., был призван обеспечить в долгосрочной перспективе изменение социального состава студенчества вузов. Этот декрет отменял вступительные испытания при зачислении на первый курс²³. Однако ожидаемого эффекта он не достиг²⁴. Аналогичную цель преследовал и декрет,

опубликованный 1 октября 1918 г., который касался профессорско-преподавательского состава вузов²⁵. Петроградский университет формально выполнил все директивы, которые предписывались октябрьским декретом. В частности, были уволены представители профессорско-преподавательского состава, работавшие на своих должностях более десяти лет. Однако по итогам объявленных открытых конкурсов вакантные места заняли прежние сотрудники²⁶.

Советское правительство признало, что мероприятия по реформе высшего образования, проведенные в 1918 г., не привели к желаемому результату. Было очевидно наличие альтернативной позиции в области реформирования высшего образования в лице университетской интеллигенции. Безусловно, Наркомпрос мог осуществить реформу высшей школы теми или иными методами уже в 1918 г., но на судьбу преобразований повлиял фактор Гражданской войны. В условиях задерживающегося наступления мировой революции победа в Гражданской войне и сохранение государственной власти стали для большевиков вопросом жизни и смерти. Для достижения поставленной цели они подчинили себе все имеющиеся в их распоряжении ресурсы. На этом фоне реформа высшей школы не расценивалась как первостепенная. Такую интерпретацию расстановки большевиками приоритетов разделяли и современники. Профессор²⁷ Петроградского университета П. А. Сорокин связывал задержку в проведении реформы с начавшейся войной²⁸. До ее окончания реформа осуществлялась в формате принятия отдельных законов. В частности, речь идет об уже отмеченных декретах 1918 г. и декрете о создании факультетов общественных наук взамен упраздняемых историко-филологических и юридических факультетов (3 марта 1919 г.)²⁹. В Петроградском университете эти положения встретили негативно, расценивая их в качестве малопродуманного «декретного озорства»³⁰. Особенно жесткая дискуссия между Наркомпросом и университетом развернулась вокруг создания факультета общественных наук на месте упраздняемых юридического, историко-филологического и восточного факультетов. Университетское сообщество в целом было согласно с необходимостью внести изменения в организацию преподавания предметов гуманитарного цикла, но в видении содержания данного вопроса стороны снова разошлись. Предложения профессорско-преподавательского сообщества базировались на существовавшем по инерции осознании свободы, завоеванной в феврале 1917 г. В связи с этим в университетский курс планировалось ввести целый ряд предметов, неуместных с точки зрения Министерства народного просвещения. Цель Наркомпроса была иной. Юридический и в меньшей степени историко-филологический факультеты столичного университета до 1917 г. считались кузницей кадров бюрократического аппарата страны, их выпускники занимали должности на самом высоком уровне. Кроме того, профессорско-преподавательский состав именно юридического факультета был погружен в политическую жизнь поздней империи. Спектр политических партий, в которые входили и играли самую активную роль его преподаватели и выпускники, варьировался от монархических до правых социалистов³¹. Таким образом, из всех факультетов университета юридический до 1917 г. в наименьшей степени был связан с академическими традициями. В то же время он не только ориентировался

в развитии общественно-политической жизни страны, но и зачастую определял через своих выпускников и действующих преподавателей векторы такого развития. Особенно четко заявка университета на политическую власть стала очевидной после Февральской революции, хотя важно подчеркнуть, что на практике такое стремление не вышло за границы определения политики в области просвещения в новой России. В результате большевики направили свою активность на изменение внутренней структуры университета в части гуманитарных факультетов, не касаясь физико-математического факультета с его значительно менее политизированной профессурой³².

Необходимо согласиться с мнением Дж. Макклелланда относительно декретов, разработанных Наркомпросом в период паузы в реформировании высшего образования после московских совещаний³³. На фоне масштабных законодательных актов 1918 г. эти проекты не нацеливались на достижение глобальных преобразований.

С. Финкель подчеркивает парадоксальность сложившейся ситуации: наиболее либеральный период проведения реформы высшей школы пришелся на время военного коммунизма и красного террора³⁴. Отчасти соглашаясь с данным утверждением, мы считаем нужным отметить, что оно может относиться лишь к самому институту высшего образования. Формат взаимодействия власти с представителями университетских корпораций во время войны отнюдь не отличался либеральным характером.

1919 год: враг у ворот. В конце 1918 г. большевикам пришлось признать отсутствие лояльности к ним высшей школы, и характер диалога между Петроградским университетом и властью изменился.

Представители профессорско-преподавательского состава предпочитали демонстрировать свое несогласие с господствующим политическим режимом, переезжая на неподконтрольные большевикам территории. Так, в конце июня 1918 г. в научную командировку в Швецию с семьей уехал профессор, член кадетской партии М. И. Ростовцев³⁵. Однако командировка оказалась лишь поводом для выезда за границу. Воспользовавшись тем же предлогом, уехал на Дон в июне 1918 г. ректор университета Э. Д. Гримм. В октябре, не возвращаясь в Петроград, он заочно уведомил профессорский совет университета о сложении полномочий ректора³⁶. В дальнейшем, до эмиграции в январе 1920 г., Э. Д. Гримм работал в Крымском краевом правительстве в Севастополе, а затем — в Осведомительном агентстве при правительстве А. И. Деникина³⁷. Если для Э. Д. Гримма решение об отъезде из Петрограда стало политически мотивированным, то для других профессоров и преподавателей командировка была способом выехать из голодающего и замерзающего города в более благополучные губернии. Согласно воспоминаниям советского общественно-политического деятеля И. В. Егорова, занимавшего в то время должность комиссара отдела высших учебных заведений и научных учреждений Наркомпроса, для оформления командировки в отдел приходили «сотни и сотни профессоров»³⁸.

Жесткое противостояние Петроградского университета и большевиков в 1919 г. совпало с изменениями на фронтах Гражданской войны. На Северо-Западе появился важный центр белого движения, главной целью которого стал

захват Петрограда. В условиях мобилизации всех усилий советской власти, направленных на оборону города, ее диалог с нелояльной профессурой и студенчеством университета выстраивался уже с позиции силы.

Очевидна прямая корреляционная связь между продвижением к Петрограду Северо-Западной армии и активностью органов Всероссийской чрезвычайной комиссии в городе. Чем ближе к нему подходили белые формирования, тем шире становился круг подозреваемых в контрреволюции лиц. Таким образом, в контексте наступления Н. Н. Юденича и отрядов эстонской армии, активности финских добровольцев в Олонецкой Карелии, двусмысленной позиции официальных властей Финляндии, действий Антанты на Балтийском море и наступления ее экспедиционных отрядов вдоль Мурманской железной дороги с Севера на Петроград антисоветская позиция университетского сообщества делала его все более очевидным объектом для внимания органов безопасности.

2 мая 1919 г. постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны Петроград фактически превращался в военный лагерь. Среди прочих мероприятий, призванных обеспечить достижение этой цели, было требование пресечь все контрреволюционные явления в тылу Красной армии³⁹. Указанное постановление стало основанием для решения Петроградской ЧК усилить репрессивные меры, направленные против буржуазных слоев общества.

12 июня, в разгар весенне-летнего наступления белых на Петроград, начались антибольшевистские восстания в форте «Красная горка» и на батарее «Серая лошадь», связанных с контрреволюционной подпольной организацией «Петроградское отделение Национального центра»⁴⁰. Вслед за подавлением восстаний в мятежных фортах в Петрограде начался новый виток террора. В конце августа — начале октября 1919 г. оказались арестованными не менее 20 сотрудников Петроградского университета⁴¹, среди них — Л. В. Щерба, М. Я. Пергамент, Н. Н. Розин, О. А. Добиаш-Рождественская, Ц. Г. Церетели, В. М. Таганцев, Д. Д. Гримм и др. Многие из них близки к кадетской партии. Протесты ректора С. А. Жебелева, отправляемые в Наркомпрос, не оставались без ответа, однако обещания А. В. Луначарского внести ясность и освободить арестованных не приводили к результату. Задержания профессоров и преподавателей продолжались⁴². М. Горький в письме В. И. Ленину протестовал против этих арестов. В ответ лидер большевиков указал на вынужденный и превентивный характер задержаний кадетской и «околокадетской» профессуры. В условиях продолжавшегося противостояния с белыми на подступах к Петрограду аресты должны были предотвратить возможное контрреволюционное выступление, подобное восстанию на «Красной горке»⁴³. К спасению положения подключился заместитель наркома просвещения Союза коммун Северной области З. Г. Гринберг. Однако полученные в Москве предписания об освобождении О. А. Добиаш-Рождественской не произвели никакого впечатления на Петроградскую ЧК⁴⁴. Тем не менее аресты большинства профессоров и преподавателей оказались недолгими, и к декабрю 1919 г., когда опасность захвата Петрограда белыми миновала, почти все задержанные были отпущены⁴⁵. В конце октября 1919 г. среди университетской интеллигенции появилось понимание

того, что успешное и быстрое осеннее наступление Северо-Западной армии так и не достигло своей цели и поход Н. Н. Юденича на Петроград завершился провалом⁴⁶.

Аресты профессуры во время обороны Петрограда от наступления белых сделали очевидным факт, что репрессивная практика — это тот апробированный аргумент, которым будут пользоваться большевики в дальнейшем. Кроме того, провал наступления Н. Н. Юденича означал окончательный крах надежд интеллигенции на избавление Петрограда от власти большевиков, скорое ожидание которого прибавляло уверенности защитникам университетской автономии. Вероятно, эти два фактора повлияли на то, что уже в конце 1919 г. Петроградский университет без ярко выраженного сопротивления отреагировал на появление в своей структуре рабочего факультета⁴⁷.

Финал реформы высшей школы — диалог с позиции силы. К 1921 г. сложилась противоречивая ситуация. Большевики победоносно завершали борьбу с оппонентами на полях Гражданской войны и на правах победителя закрепили за собой политическую власть. Наступление мира позволило СНК сосредоточиться на восстановлении страны, а также продолжить то, что не было осуществлено из-за Гражданской войны. Одним из таких начинаний стала реформа высшей школы. Вместе с тем вузы, в целом успешно сохранившие свою идентичность в первые годы после революции, не собирались расставаться с мечтой об университетской автономии. Для этого были все основания. Сворачивание военного коммунизма и переход к нэпу демонстрировали гибкость большевиков по ключевым и принципиальным для них вопросам внутренней политики. В связи с этим высшая школа рассчитывала на сохранение status quo в системе образования. Однако после Гражданской войны большевики не собирались сдавать позиции в сфере идеологии, несмотря на отступления от своих догматов в экономике.

В апреле 1921 г. Главпрофобр начал разрабатывать новый университетский устав, представленный на суд делегатам вузов на московской конференции деятелей высшей школы в конце июня 1921 г. На этот раз власть, имея опыт московских совещаний 1918 г., не допустила прежних ошибок. Не менее 55 % участников летней конференции 1921 г. были коммунистами⁴⁸, что стало главной причиной одобрения законопроекта. Таким образом, власти формально заручились поддержкой вузовской общественности.

19 сентября 1921 г. Совнарком утвердил «Положение о высших учебных заведениях», т. е. новый устав высшей школы⁴⁹. Этот документ подразумевал активное участие в управлении вузами лиц, назначенных на должности Наркомпросом, студентов, а также представителей общественных организаций (под которыми в первую очередь понимались месткомы РКП(б))⁵⁰. Роль профессорского совета в управлении университетами, а значит, и автономия в прежнем виде уходили в историю.

Высшая школа отреагировала на новый устав негативно. В Москве это обернулось профессорской забастовкой зимой 1922 г. В Петрограде отклик на Положение оказался несколько сдержаннее: на совещании Объединенных советов ученых заведений и вузов в январе 1922 г. было принято решение

о саботировании предложенных Главпрофобром должностей в новые правления университетов и институтов⁵¹. С февраля по май университет несколько раз осуществлял свое намерение. Профессора отказывались работать в Правлении вуза вместе с кандидатами от Главпрофобра.

Итогом этого фрондирования стало насильственное выдворение за границу наиболее активных и непримиримых с советской властью представителей интеллигенции. В списках высланных были и фамилии представителей Петроградского университета: П. А. Сорокина, Н. О. Лосского, И. И. Лапшина, А. А. Боголепова, Б. Н. Одинцова, Л. П. Карсавина⁵². Всего же за время Гражданской войны страну покинуло около 60 представителей профессорско-преподавательского состава Петроградского университета⁵³, бóльшая их часть — представители гуманитарных факультетов. Нельзя не согласиться с мнением о том, что главные причины эмиграции были связаны с идеологией⁵⁴.

Таким образом, печально известный «философский пароход» — последний акт государственного террора в отношении Петроградского университета в период Гражданской войны. Он ясно показал, что альтернатива реформы высшей школы, основанной на автономии в противовес позиции большевистской власти, осталась нереализованной.

В ноябре 1922 г. ректором Петроградского университета был назначен промарксистски настроенный Н. С. Державин. И формально, и символически это стало концом дореволюционного университета, которому с трудом, но удавалось сохранять независимость в течение пяти лет после прихода к власти большевиков.

¹ *Finkel S.* On the Ideological Front: The Russian intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere. New Haven, 2008. P. 40.

² См., напр.: *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. М., 1988; *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти. Л., 1984.

³ См., напр.: *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017; *Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.* Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2016. № 1. С. 64–75; *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.* Физико-математический факультет Императорского Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Международные отношения и диалог культур. 2016. № 4. С. 177–216; *Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Сосницкий Д.А.* Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Вестник СПбГУ. Сер. 14: Право. 2015. Вып. 4. С. 112–127; *Gavrilova O., Hodjakov M.* «Sooviksin jääda ülikooli juurde...». Peterburi periood Jüri Uluotsa elus // Tuna. 2018. No. 2. Lk. 35–41.

⁴ *Беляева О.М.* Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднеимперского периода. СПб., 2011; *Казанин И.Е.* Формирование руководством РСФСР — СССР партийно-государственной политики по отношению к интеллигенции в октябре 1917 — 1925 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2007.

⁵ *McClelland J.C.* The Professoriate in the Russian Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / eds D.P. Koenker, W.G. Rosenberg, R.G. Suny. Bloomington, 1989. P. 243–259; *Финкель С.* Организованная профессура и универси-

тетская реформа в Советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х годов: материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 2003. С. 173–184; *Fitzpatrick S. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October, 1917–1921.* Cambridge, 1970; *Konecny P. Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941.* Montreal, 1999.

⁶ См. об этом: *McClelland J. C. The Professoriate in the Russian...* P. 243.

⁷ См. подробнее: *Лейкин А. Я.* Против ложных друзей молодежи: из истории борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными партиями за молодежь. 1917–1924 гг. М., 1980. С. 102.

⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 5696. Л. 65 об.—66.

⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 7240. СПбГУ. Оп. 14. Д. 1. Л. 112.

¹⁰ Там же. Л. 111 об.

¹¹ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее — СПФ РАН). Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 132.

¹² См. об этом: *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 44.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 122 об.

¹⁴ СПФА РАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 146 об.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. СПбГУ. Оп. 14. Д. 16. Л. 2.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

¹⁷ *Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы. С. 61.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 20. Л. 6.

¹⁹ Народный комиссариат по просвещению. 1917–1920 (краткий отчет). М., 1920. С. 50.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5697. Л. 68.

²¹ *Луначарский А. В.* Из доклада на III сессии ВЦИК VII созыва // А. В. Луначарский о народном образовании / под ред. Н. К. Гончарова. М., 1958. С. 133.

²² *McClelland J. C. The Professoriate in the Russian...* P. 256–257.

²³ О правилах приема в высшие учебные заведения // Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919. С. 56.

²⁴ История Ленинградского университета. Очерки / под ред. В. В. Мавродина. Л., 1969. С. 192.

²⁵ О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных, ученых и высших учебных заведений РСФСР // Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919. С. 72–73.

²⁶ История Ленинградского университета. Очерки. С. 192.

²⁷ П. А. Сорокин 31 января 1920 г. был избран профессором по кафедре социологии факультета общественных наук Петроградского университета (ЦГА СПб. Ф. 7240. СПбГУ. Оп. 14. Д. 16. Л. 154 об.).

²⁸ *Sorokin P. Leaves from a Russian Diary.* New York, 1924. P. 212.

²⁹ Постановление Наркомпроса об упразднении юридических факультетов // Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 2. М., 1921. С. 16.

³⁰ *Жаба С. П.* Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу. Paris, [192-]. С. 13.

³¹ См. об этом: *Ростовцев Е. А., Баринов Д. А.* Физико-математический факультет... С. 202; *Ростовцев Е. А., Баринов Д. А., Сосницкий Д. А.* Юридический факультет... С. 123.

³² Меньший интерес к политической жизни страны среди студенчества и профессорско-преподавательского состава физико-математического факультета был отмечен как в советской, так и в современной историографии: Ленинградский университет 1917–1944 / под ред. В. В. Мавродина. М., 1945. С. 85; *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* Изгнанники «советского» университета... С. 73.

³³ *McClelland J. C. The Professoriate in the Russian...* P. 258.

³⁴ *Финкель С.* Организованная профессура и университетская реформа... С. 176.

- ³⁵ См. подробнее: *Аветисян К. В.* Вместо предисловия // М. И. Ростовцев. Политические статьи. СПб., 2002. С. 8.
- ³⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 52 об.
- ³⁷ См. подробнее: *Беляева О. М.* Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете... С. 298.
- ³⁸ *Гаврилова О. А., Петров В. В.* «Надо уделить первостепенное внимание изучению прошлого университета...»: Петроградский / Ленинградский университет 1918–1931 гг. в воспоминаниях И. В. Егорова // *Новейшая история России.* 2014. № 2 (10). С. 240.
- ³⁹ Постановление Совета Обороны об объявлении г. Петрограда, Петроградской, Олонецкой и Череповецкой губерний на осадном положении и о мерах защиты г. Петрограда // *Декреты Советской власти.* Т. V: 1 апреля — 31 июля 1919 г. М., 1971. С. 146–147.
- ⁴⁰ См. об этом: *Корнатовский Н. А.* Борьба за Красный Петроград. М., 2004. С. 180.
- ⁴¹ Приводится по: 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет: летопись 1724–1999 / под ред. Л. А. Вербицкой. СПб., 1999. С. 285.
- ⁴² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 127. Л. 29, 30.
- ⁴³ *Ленин В. И.* А. М. Горькому // Ленин В. И. Полное Собр. соч.: в 55 т. Т. 51. М., 1970. С. 48.
- ⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5701. Л. 25.
- ⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 127. Л. 30.
- ⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5701. Л. 90.
- ⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 92. Л. 3.
- ⁴⁸ См. об этом: *Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы. С. 118.
- ⁴⁹ См. подробнее: *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда... С. 98.
- ⁵⁰ Положение о высших учебных заведениях // *Профессионально-техническое образование в России за 1917–1921 гг.: юбилейный сборник / под ред. О. Г. Аникст.* М., 1922. С. 72.
- ⁵¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 218.
- ⁵² Приводится по: *Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ. 1921–1923 / под ред. В. Г. Макарова.* М., 2005. С. 489, 461, 458, 425, 472–473, 447.
- ⁵³ *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* Изгнанники «советского» университета... С. 69–73.
- ⁵⁴ Там же. С. 73.

Статья поступила в редакцию 30 января 2020 г.

Рекомендована в печать 19 мая 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кривоноженко А. Ф. Альтернатива на идеологическом фронте: Петроградский университет и власть в контексте Гражданской войны // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 3. С. 702–714. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.309>
УДК 94(47).084.3

Аннотация: На примере Петроградского университета в статье показано, что Гражданская война, ставшая серьезным испытанием для большевиков, позволила обеспечить на пять лет сохранение независимой для высшей школы позиции в области образования. Фундаментальность идеологических противоречий между Петроградским университетом и большевистским правительством со всей очевидностью проявилась в первой половине 1918 г., когда новая власть анонсировала начало обсуждения положений предстоящей советской реформы высшей школы. Если университет настаивал на незыблемости постулата об автономии высшей школы, то Совнарком видел в ней опасный буржуазный пережиток. Реализация начавшейся реформы была приостановлена Гражданской войной и сильным сопротивлением университетской интеллигенции предложенным изменениям. Неудачи большевиков на фронте стали важным источником неконформизма профессуры. В то же время наступление армии Н. Н. Юденича на Северо-Западе и двусмысленная позиция Финляндии привели к ужесточению позиции большевиков и массовым арестам профессуры. В связи с антиправительственной позицией

по реформе высшего образования члены университетской корпорации расценивались органами ВЧК в качестве потенциальной опоры для контрреволюции. После победы большевиков в войне Наркомпрос, используя репрессивные возможности государства, несмотря на сопротивление высшей школы, смог провести изменения в нужном советской власти русле. Печально известный «философский пароход» был последним актом государственного террора в отношении Петроградского университета в период Гражданской войны. Он стал символом того, что альтернатива реформы высшей школы, основанной на автономии в противовес позиции большевистской власти, осталась нереализованной.

Ключевые слова: университет, Гражданская война, реформа, высшая школа, большевики, репрессии, Петроград, Наркомпрос.

Сведения об авторе: Кривоноженко А. Ф. — канд. ист. наук, мл. науч. сотр., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия); krivfed@yandex.ru

Карельский научный центр РАН, Россия, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

FOR CITATION

Krivozhenko A. F. 'An Alternative on the Ideological Front: Petrograd University and Power in the Context of the Civil War', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 3, 2020, pp. 702–714. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.309> (In Russian)

Abstract: The article deals with the situation in Petrograd University (St. Petersburg State University) which developed during the Russian Civil War. The University was one of the biggest centers of science and education at the beginning of the First World War. The Bolsheviks' coming to power was not accepted by professors and students, and during 1917–1919 they awaited the fall of the Bolsheviks in Petrograd. Thus, the University corporation was an ideological enemy of the Bolsheviks. This antagonism further intensified during the realization of high school reform by Narkompros. The University did not want to lose its autonomy; however, the Bolsheviks perceived it as a source of counterrevolutionary activity. This led to repression of University professors in 1919 during the offensives of General Yudenich against Petrograd. Further, attention is paid to how the University community perceived the Civil War. The infamous "philosophical steamboat" was the last act of state terror against the Petrograd University during the Civil War. The University became a symbol of an alternative to the reform of higher education, based on autonomy and opposed to the position of the Bolshevik authorities, that remained unrealized.

Keywords: University, Civil War, reform, higher education, Bolsheviks, repression, Petrograd, Narkompros.

Author: Krivozhenko A. F. — PhD in History, Junior Researcher, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia); krivfed@yandex.ru

Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, 11, Pushkinskaya ul., Petrozavodsk, 185910, Russia

References:

- 275 years. *Saint Petersburg State University: a chronicle 1724–1999*, ed. by L. A. Verbitskaya (St. Petersburg, 1999). (In Russian)
- Avetisian K. V. 'Instead of a preface', *M. I. Rostovtsev. Politicheskie stat'i* (St. Petersburg, 2002). (In Russian)
- Beliaeva O. M. *Erwin Davidovich Grimm at St. Petersburg University: academic community of the late Imperial period* [Candidate of History Dissertation] (St. Petersburg, 2011). (In Russian)
- Chanbarisov Sh. Kh. *Formation of the Soviet University system* (Moscow, 1988). (In Russian)
- Expulsion instead of execution. Deportation of intellectuals in documents of the Cheka — GPU. 1921–1923*, ed. by V. G. Makarov (Moscow, 2005). (In Russian)
- Fediukin S. A. *The great October revolution and the intelligentsia* (Moscow, 1972). (In Russian)
- Finkel S. 'Organized professorship and University reform in Soviet Russia (1918–1922)', *Vlast i nauka, uchenye i vlast'. 1880-e — nachalo 1920-kh godov* (St. Petersburg, 2003). (In Russian)
- Finkel S. *On the Ideological Front: The Russian intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere* (New Haven, 2008).

- Fitzpatrick S. *The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October, 1917–1921* (Cambridge, 1970).
- Gavrilova O., Hodjakov M. "Sooviksin jääda ülikooli juurde...". Peterburi periood Jüri Uluotsa elus', *Tuna*, no. 2, 2018.
- Gavrilova O. A., Petrov V. V. "We must give priority to the study of the past university...": Petrograd / Leningrad University 1918–1931 in the memoirs of I. V. Egorov', *Rossiiskaia Istorii*, no. 2, 2014. (In Russian)
- Kazanin I. E. *Formation by the leadership of the RSFSR — USSR of the party-state policy in relation to the intelligentsia in October 1917 — 1925* [Doctor of History Dissertation] (Volgograd, 2007). (In Russian)
- Konecny P. *Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941* (Montreal, 1999).
- Kornatovskiy N. A. *Struggle for red Petrograd* (Moscow, 2004). (In Russian)
- Kupaygorodskaja A. P. *Leningrad high school in the first years of Soviet power* (Leningrad, 1984). (In Russian)
- Leykin A. Ya. *Against false friends of youth: from the history of the CPSU's struggle with bourgeois and petty-bourgeois parties for youth. 1917–1924 gg.* (Moscow, 1980). (In Russian)
- Leningrad University 1917–1944*, ed. by V. V. Mavrodin (Moscow, 1945). (In Russian)
- Lunacharskiy A. V. 'From the report at the III session of the All-Russian Central Executive Committee of the VII convocation', *A. V. Lunacharskii o narodnom obrazovanii*, ed. by N. K. Goncharov (Moscow, 1958). (In Russian)
- McClelland J. 'The Professoriate in the Russian Civil War', *Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*, eds D. P. Koenker, W. G. Rosenberg, R. G. Suny (Bloomington, 1989).
- Professional'no-tehnicheskoe obrazovanie v Rossii za 1917–1921 gg.: iubilinyi sbornik*, ed. by O. G. Anikst (Moscow, 1922). (In Russian)
- Rostovtsev E. A. *Metropolitan University of the Russian Empire: the scientific class, society and power (second half of the 19th — early 20th centuries)* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Rostovtsev E. A., Barinov D. A. 'Faculty of physics and mathematics of the Imperial Petersburg University (1819–1917): experience of collective biography', *Mezhdunarodnye otnosheniia i dialog kul'tur*, no. 4, 2016. (In Russian)
- Rostovtsev E. A., Barinov D. A., Sosnitskiy D. A. 'The faculty of Law of the St. Petersburg Imperial University (1819–1917): studies in the collective biography', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Istorii*, no. 4, 2015. (In Russian)
- Rostovtsev E. A., Sidorchuk I. V. 'Exiles of the "Soviet" University: the experience of a collective portrait of the teaching emigration of Petrograd', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Pravo*, no. 1, 2016. (In Russian)
- Sorokin P. *Leaves from a Russian Diary* (New York, 1924).
- The history of the Leningrad University. Essays*, ed. by V. V. Mavrodin (Leningrad, 1969). (In Russian)
- Zhaba S. P. *Petrograd students in the struggle for a free higher school*. (Paris, 192?). (In Russian)

Received: January 30, 2020

Accepted: May 19, 2020